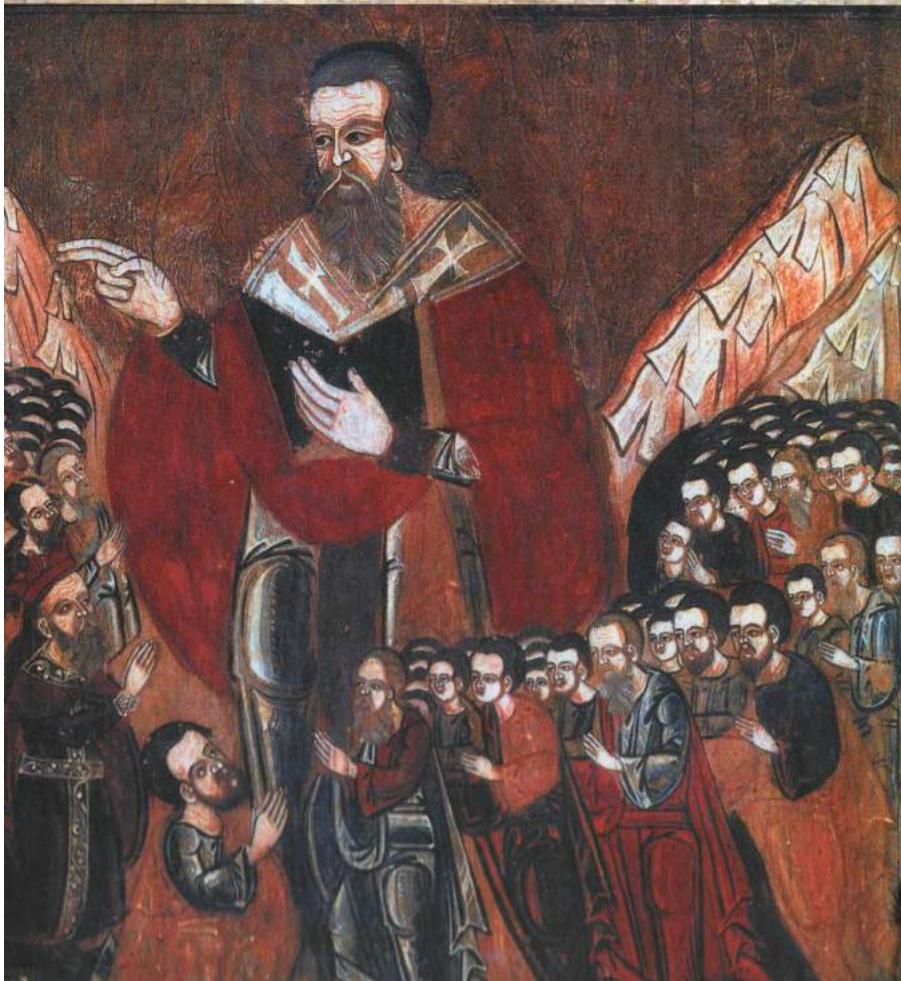

Post-Древняя Русь

**Нarrативы руси
конца XV – середины XVIII в.:
в поисках своей истории**

Германский исторический
институт в Москве

Нarrативы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории

Ответственный составитель,
ответственный редактор серии
А. В. Доронин

РОССПЭН
Москва
2018

УДК 94
ББК 63.3(2)
H30

*Издание осуществлено на средства
Германского исторического института в Москве*

Проект поддержан Фондом Герды Хенкель AZ 38/F/16

- H30 **Нarrативы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории** / отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 430 с. : ил. – (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени).

ISBN 978-5-8243-2249-1

Сборник подготовлен по итогам международной научной конференции, состоявшейся в ноябре 2016 г. во Львове в рамках проекта «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в конце XV – середине XVIII в. в контексте зарождения модерных наций в Европе». Перед ее участниками стояла цель критически проанализировать исторические нарративы руси конца XV – середины XVIII в. на предмет свидетельств о зарождении в раннее Новое время на общеевропейской шкале истории новых надрегиональных этно-культурных общностей руси.

Этот сборник продолжает серию публикаций Германского исторического института в Москве «Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени».

Книга адресована специалистам по восточно- и общеевропейской истории раннего Нового времени, а также всем интересующимся проблемами модерного нациогенеза.

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-2249-1

© Доронин А. В., ответственный редактор
серии, составление, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Германский исторический институт
в Москве, 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение к сборнику	5
Доронин А. В. (<i>Москва, Россия</i>). Европа рубежа XV–XVI вв.: на пороге новой истории (взгляд с Запада)	16
Сиренов А. В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Русское историописание XV–XVII вв.: в поисках своей истории.	59
Стефанович П. С. (<i>Москва, Россия</i>). Крещение руси в исторических сочинениях XVI–XVII вв.	80
Саганович Г. Н. (<i>Минск, Беларусь</i>). О некоторых сложностях выявления коллективных идентичностей в славянских землях ВКЛ (размышления после конференции)	103
Воронин В. А. (<i>Минск, Беларусь</i>). На пути к модерной литвинской нации (на материалах Второго и Третьего сводов белорусско-литовского летописания)	126
Гудмантас Кястутис (<i>Вильнюс, Литва</i>). Об особенностях работы летописцев с источниками (на материале литовских летописей XVI в.).	142
Дзярнович О. И. (<i>Минск, Беларусь</i>). Русь в лето- и историописании ВКЛ XVI–XVII вв.	174
Мартынюк А. В. (<i>Минск, Беларусь</i>). Формы и уровни идентичностей в визуальных нарративах Лицевого летописного свода.	190
Граля Хероним (<i>Варшава, Польша</i>). «Русская вера» и «роксоланские сарматы»: легитимационные стратегии русской элиты Речи Посполитой и casus Adama Kisеля.	208
Ульяновский В. И. (<i>Киев, Украина</i>). Украинские летописи начала XVI – первой половины XVII в.: надрегиональное в региональных нарративах	229

<i>Синкевич Н. А. (Киев, Украина; Тюбинген, Германия).</i> «Изобретение традиции»: агиографические и исторические нарративы православной Киевской митрополии XVII в.	261
<i>Гиль Анджей (Люблиń, Польша).</i> Русь и русская традиция в историческом нарративе холмского униатского епископа Якова Суши	284
<i>Бовгиря А. М. (Киев, Украина).</i> Представление о «своей» земле в исторических нарративах Гетманщины второй половины XVII – XVIII в.	293
<i>Штайндорфф Людвиг (Киль, Германия).</i> Славянский мир в Синопсисе: от Ноя до начал града Киева	311
<i>Дмитриев М. В., Шпирт А. М. (Москва, Россия).</i> Идентичность Руси и «руси» в письменных памятниках украинско-белорусской православной культуры XV–XVII вв.: историографические заметки ..	332
<i>Ткачук В. А. (Киев, Украина).</i> Культы древнерусских святых в Киевской митрополии XVII – первой половины XVIII в. как инструмент исторической и политической легитимации	384
<i>Одесский М. П. (Москва, Россия).</i> «Россия на торжественной колеснице»: пред-имперские модели легитимации воинствующего государства в панегирической драме эпохи Петра Великого (1702–1704 гг.)	409
Об авторах	426

РУСЬ В ЛЕТО- И ИСТОРИОПИСАНИИ ВКЛ XVI–XVII вв.

Белорусско-литовское летописание (БЛЛ) XV–XVII вв. включает в себя общерусскую традицию. В нем выделяют Первый свод БЛЛ (1446), состоящий из общерусского нарратива в обработке хронистов ВКЛ и «Летописца великих князей литовских» (1428–1430)¹. В первой половине XVI в. возник Второй свод БЛЛ – «Хроника Великого княжества Литовского и Жомойтского». На базе этих текстов позднее оформился Третий свод, известный как «Хроника Быховца». Она не только является важнейшим источником по истории ВКЛ, но и позволяет реконструировать историко-географические представления в ВКЛ в XVI в.

Историографическая традиция ВКЛ XVI–XVII вв., помимо летописания, включает в себя также первые авторские исторические сочинения, в частности Михалона Литвина и Альберта Биюк-Кояловича. На примере Кояловича, главный труд которого *“Historiae Lituanae”* (1650) отстоит на 100 лет от *“De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum”* (1550) Михалона Литвина, мы можем проследить степень преемственности историографических концепций ВКЛ. Особое место в историописании ВКЛ этого периода занимают произведения авторов иностранного происхождения, работавших по заказу магнатов ВКЛ, например Матея Стрыйковского или Александро Гваньини. Притом А. Рогов показал, что Матей Стрыйковский, вероятно, использовал те же летописи, что и автор Хроники Быхов-

¹ См.: Чамярыцкі В. А. Беларуская летапісы як помнік літаратуры. Мн., 1969. С. 119–134; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 38–41, 115–116.

ца, и именно они были основным его источником по истории ВКЛ². В XVI в. в ВКЛ зарождается также историко-документальный жанр (мемуаристика).

«Земля Русская» в белорусско-литовских летописях XV–XVII вв.

Летописание ВКЛ, начиная с Первого свода, представляет Русь в координатах государственно-политической принадлежности: «Летописец великих князей литовских» сообщает, как «взяша из Ляхов Казимера королевича на великое княжение Литовское, и посадиша его со честию на стольнечном граде на Вил(ъ)не и на всеи Рускои земли» (1440)³. Киевская Русь присутствует и в «Хронике Великого княжества Литовского и Жомойтского», Втором своде БЛЛ, где Киев XIII в. – «столец всее Руское земли»⁴. Но тогда же звучат и новые нотки и оценки: «Князь велики Скирмонт возметь город Пинск и город Туров. И заплакала Русь великим плачом, иж так окрутне вси побиты от безбожное литвы»⁵.

И тут стоит вспомнить обстоятельства создания «Хроники Великого княжества Литовского и Жомойтского». Исследования второй половины XX в. показывают, что она появилась в 1520-е гг. (между 1522 и 1527), и ее составитель, по мнению Ежи Охманьского, был тесно связан с Павлом Гольшанским и Альбрехтом Гаштольдом⁶ (ил. 1, 2). Оба сановника входили в число самых влиятельных церковных и светских администраторов ВКЛ. Павел Гольшанский, представитель древнего княжеского рода, с 1507 г. был епископом Луцким, а в 1536 г. – епископом Виленским. А Альбрехт Гаштольд с 1522 г. – великий канцлер ВКЛ. Оба в молодости обучались в Краковском университете. Вероятно, что именно под их влиянием в кириллической хронике появилась легенда о Палемоне⁷, декларировавшая верховенство литвы над русью. Нейтральная концепция

² Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыковский и его Хроника). М., 1966. С. 128.

³ Летапісец вялікіх князёў літоўскіх // Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага (XV– XVII стст.). / уклад., прадм., камент. В. А. Чамарыцкага. Мн., 2015. С. 108–109.

⁴ Хроніка Вялікага Княства Літоўскага і Жамойцкага // Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага (XV– XVII стст.). Мн., 2015. С. 226.

⁵ Хроніка Вялікага Княства Літоўскага і Жамойцкага. С. 230.

⁶ Ochmański J. Nad Kroniką Bychowca // Studia źródłoznawcze. 1967. T. XII. S. 159.

⁷ Jučas M. Lietuvos metraščiai ir kronikos. Vilnius, 2002. P. 59–63.

Первого свода БЛЛ, по-видимому, уже не удовлетворяла литовско-балтскую элиту ВКЛ: политические и идеологические акценты в это время поменялись. Русь в «Хронике Великого княжества Литовского и Жомойтского» выглядит на фоне Литвы слабой, она становится объектом экспансии литовских князей⁸.

Но эти изменения привели и к концептуализации понятия «Русь» ВКЛ. Описывая войны начала XVI в., «Хроника Великого княжества Литовского и Жомойтского» следующим образом именует земли, подвергшиеся в 1512 г. нападению войск великого князя московского Василия III: «Забывши перемирия и присяги своее, до паньства Русского воиско свое всыпал и шкоды непрыятельским обычаем чынил, и сам з воиском своим московским под Смоленск прыходил»⁹. В старобелорусском языке слово «панство» имело в первую очередь значение «государство, страна»¹⁰. Появление понятия «панство Русское» свидетельствует о том, что в первой четверти XVI в. в представлениях интеллектуалов того времени Русь из аморфного, большого, не имеющего четких границ пространства преобразуется в некий «компактный» регион, который имеет к тому же свою политическую и культурную специфику и входит во владения Ягеллонов.

Но идея такого пространства затушевана в Третьем своде БЛЛ, известном как Хроника Быховца. Составленная как общегосударственный нарратив, Хроника предлагает новую, самостоятельную версию истории ВКЛ с 1453 по 1507 г., когда записи в ней обрываются.

Русь («русские земли») фигурирует в Хронике Быховца как организованная составная часть ВКЛ – «пануючи великому князю Жыкгимонту на Вильни и на Троцех, и на всех руских и литовских и жомойцких землях»¹¹. Вместе с тем Русь стоит особняком: «И на тую ж осень князь велики Жыкгимонт, собравши силу многую литовскую и ляхи, и прыде на Русскую землю, и стал под Мстиславлем тры недели, и не вземшы города пойде во свою землю»¹². Здесь «своя земля» великого князя литовского показательно отделена от Руси. А описание

⁸ Чамярыцкі В. А. Жывыя сведкі далёкай мінуўшчыны // Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага (XV–XVII стст). Мн., 2015. С. 57–58.

⁹ Хроніка Вялікага Княства Літоўскага і Жамойцкага. С. 280.

¹⁰ Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 23: Осударский – Папіста / пад рэд. А. М. Булыкі. Мн., 2004. С. 434.

¹¹ Транслитерация с латинского текста Вячеслава Чемерицкого: Хроніка Вялікага Княства Літоўскага, Жамойцкага і Рускага ("Хроніка Быхаўца") // Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага (XV–XVII стст). С. 180.

¹² Хроніка Вялікага Княства Літоўскага, Жамойцкага і Рускага ("Хроніка Быхаўца"). С. 178.

великокняжеского визита в 1497 г.¹³ в свою «землю Русскую» сообщает, какие регионы ВКЛ считали в конце XV в. русскими: «И на туу зиму князь велики Александр з великою княгинею Оленою и з паны ездил у в объезд по земли Русской, и был у Смоленску и в Витебску, и в Полоцку, и к весне паки возвратился к Вильни»¹⁴.

Вопрос о времени создания Хроники Быховца остается нерешенным. Недавно выявленный в Национальном архиве в Кракове фрагмент Хроники датируют 1560–1570 гг.¹⁵ Так или иначе, Хроника Быховца представляет собой наиболее поздний и полный свод БЛЛ. Описывая Русь нейтрально как составную часть ВКЛ, она манифестирует единство государства.

Память о Киевской Руси, ее культурно-географические реалии все еще живы в Хронике Литовской и Жмойтской («Вывод и початок о Великом князестве Литовском и Жмойтском, отколь взмоглися и пошли»). Она помнит времена, когда Русь «мела... зверхность» над «народом литовским» и когда «все пануючи княжата киевские земле Русское монархии отбирали от них в дане веники и лыка на веровке»¹⁶. В отличие от раннего «Летописца великих князей литовских» эта хроника делает акцент на экспансии Литвы на русские земли в середине XIII в.: «плендроване краев руских»; «выправа Литвы до Руских краин»¹⁷. А литовских князей выводят из Рима (легенда о Палемоне).

Хроника литовская и жмойтская является третьей частью большого синоптика под названием Великая хроника («Летопис, то есть Крайника великая з разных многих крайникаров диалектом русским написана»). Она излагает всемирную историю от начала времен до конца XVI в. По своему содержанию Великая хроника близка Хронике Быховца, а особенно Хронике Стрыйковского. Предполагают, что Хроника литовская и жмойтская была составлена в первой половине XVII в. на южнобелорусских землях, возможно, в Слуцке. Это объясняет частое упоминание и прославление рода Радзивиллов в Хронике. В то время Слуцк принадлежал Радзивиллам (Биржанской протестантской линии).

Хроника литовская и жмойтская не статична в описании Руси. Применительно к XIII в. она объединяет «русские панства ку Берестю,

¹³ Pietkiewicz K. *Itinerarium króla Aleksandra Jagiellończyka 1492–1506*. Warszawa, 2016. S. 62.

¹⁴ Хроніка Вялікага Княства Літоўскага, Жамойцкага і Рускага («Хроніка Быхаўца»). С. 202.

¹⁵ Gudmantas K. *Lietuvos metraščio Vavelio nuorašas (fragmentas)* // Senojo Lietuvos literatūra. T. 34. Vilnius, 2012. P. 121–151.

¹⁶ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 32 / сост. и ред. тома Н. Н. Улащик. М., 1975. С. 17.

¹⁷ Там же. С. 18.

которого теперь зовут Литовским», Полоцк и Киев¹⁸. Но в «литовский» период истории этого региона оформляется новая общность со своими историей и действующими лицами, в т. ч. мифическими. Так, по словам автора Хроники, кто-то из Радзивиллов вторгся в Подляшье, «где в той час ятвяги мешкали», «места и замки побуроныя от Батия»; «тые все замки знову побудовал Радивил, а русь, христиане, которые были по оном несчастливом спустошено Батиевом зостали, принял их ласкаве в свою оборону, а они ему на послушество присягли». Это имело далеко идущие последствия: «Так Радивил моц и пановане свое в руских князствах и замках предреченных снадне за короткий час размножил и розширил, и писался таковым титулом: Радивид Монтвилович Жомойтский и Литовское земли дедичный пан, перший великий князь руский новгородский»¹⁹. После этого Новгородок фигурирует уже как столица «князства Русского и Литовского по Вили реце»²⁰.

Так складывается представление о «Литовской Руси» под властью великих князей литовских. На востоке ВКЛ она охватывала Полоцк, Витебск, Смоленск и Друцк, где литовские князи «закон и веру христианскую рускую приняли»²¹. Вместе с тем продолжало быть в обиходе и более широкое представление о Руси. Так, о событиях 1320-х гг. хронист пишет: «Резанское князство было здавна можнейшее над иншии все князства руские, которое князство лежит межи Окою и Доном, реками великими и славными, з которых одна Танаис, або Дон речоная, Азию и Европию делит, а впадает в Мертвое море, або Чорное»²². Но Рязань выступает так же, как часть «всех инших краин московских». В сюжете о Куликовской битве (1380), а он занимает довольно значительное место в Хронике, Мамаю противостоят русские князья, русские витязи, русское воинство²³. То есть в ней Русь фигурирует в узком и широком смысле. Когда речь идет о взаимодействии, контактах или совместном отпоре внешней (выходящей за рамки восточного славянства) силе, будущие российские территории выступают в Хронике Великого княжества Литовского и Жомойтского обобщенно широко как Русь. Но если контекст «внутренний», то под Русью в Хронике следует понимать «Русь Литовскую», а северо-восточные земли руси – обобщенно как «Москву» или «земли московские».

Наиболее цельный образ «локальной» Руси мы находим в новелле об утверждении Статута ВКЛ 1529 г.: после коронации молодого

¹⁸ ПСРЛ. Т. 32. С. 17.

¹⁹ Там же. С. 19.

²⁰ Там же. С. 21.

²¹ Там же. С. 26.

²² Там же. С. 38.

²³ Там же. С. 52, 57.

великого князя литовского Сигизмунда Августа в качестве польского короля в 1530 г. «того ж року Литве и всей Руси даны суть права писаные з ухвалою всех станов в день святаго Михаила в Кракове»²⁴. Эта Русь как надрегиональная общность («всех Русь» ВКЛ) и всесословная («з ухвалою всех станов») представляла собой объект политики и права ВКЛ.

На примере Баркулабовской летописи рассмотрим, какое отражение это нашло в памятниках местного летописания. Летопись составлена в начале XVII в. в местечке Баркулабово (Баркалабово) на востоке современной Беларуси: этому региону в ней и уделено наибольшее внимание. Ее автором считают предположительно православного священника Федора Филипповича Могилевца²⁵. В летописи так говорится о голоде 1583 г.: «Все погорело у Литве, а звлаща около Менска, около Вилни. Люди убогия з хлеба на Русь давалися – молодцы, жонки, девки, много на Русь и на Украину понаходило»²⁶. Одна на другую в ней накладываются две системы территориальных координат²⁷. К первой принадлежат «Литва», «Русь», «Украина», Волынь, Подолье. «Русь» – это Полоцк, Витебск, Орша, Мстислав, Кричев, Могилев, Головчин, Чечерск, Гомель, Любеч, Речица, Быхов, Рогачев. «Литва» – Минск (Минск), Новогрудок, Вильно. «Украина» тождественна Киеву, т. е. исторической Киевщине. Отдельно упомянуты регионы Волынь и Подолье. Ко второй –rudименты представлений жителей Приднепровья о его делении на «верх» и «низ», совершенно иначе представляющим географическую карту. «Верх» охватывал такие города, как Шклов, Друцк, Дубровно, Круглое, Витебск, Полоцк и Минск. Очевидно, эти представления укоренились еще со времен Киевской Руси. Тогда «верх» не входил в состав «Русской земли». То есть деление на «верх» и «низ» – более древнее, чем деление на «Литву» и «Русь» ВКЛ. Подчеркнем, что подобные региональные представления бытовали в конце XVI – начале XVII в. именно на территории «малой» Руси (Руси ВКЛ).

В белорусско-литовском летописании середины XV – начала XVII в. все еще проглядывают контуры основных этнокультурных общностей ВКЛ – Литвы и Руси. Киевская Русь занимает в БЛЛ видное место. Особенно это заметно в Первом и Втором летописных сводах. Второй свод отличается от Первого тем, что в нем явственна поляризация элит Литвы и Руси. В первой четверти XVI в. появля-

²⁴ Там же. С. 107.

²⁵ Подробнее о дискуссии по поводу авторства Баркулабовской летописи см.: Суша А. Баркалабаўскі летапіс – унікальны помнік беларускага летапісання // Баркалабаўскі летапіс. Мн., 2013. С. 81–86.

²⁶ ПСРЛ. Т. 32. С. 176.

²⁷ Латышонак А. Нацыянальнасць – беларус. Смоленск, 2009. С. 178.

ется такое понятие, как «панство Руское» (в границах ВКЛ). Однако в Хронике Быховца (Третий свод) эти этнокультурные противоречия сглажены, а Русь обретает четкие границы. Как вариант, ее локализуют на северо-востоке современной Беларуси и относят к ней также Смоленск. Двоякое понимание понятия «Русь» – его «узкая» регионализация при одновременно широком прочтении – затрудняли процесс формирования новой надрегиональной общности руси на территории центра и востока ВКЛ (на будущей территории Беларуси).

Русь в историописании ВКЛ XVI–XVII вв.

Как трансформировался образ Руси в авторских исторических сочинениях в ВКЛ XVI–XVII вв.?

Полемический трактат *“De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum”* Михалона Литвина (ил. 3) во многом передает то политическое напряжение, которое существовало в среде шляхты и мещанства ВКЛ в середине XVI в. по поводу этнокультурной доминанты как в государстве в целом, так и в отдельных его частях. Этот трактат был преподнесен в 1550 г. королю и великому князю Сигизмунду Августу. Впервые он был опубликован в Базеле в 1615 г.²⁸ в конволюте с опусом Яна Ласицкого «О богах Жемайтии». А до нас дошел в 10 фрагментах.

В важном для нас, пятом, фрагменте трактата Михалон Литвин знакомит с языками и народностями ВКЛ. И замечает: «Мы изучаем московские письмена (*literas Moscoviticas*), не несущие в себе ничего древнего, не имеющие ничего, что возбуждало бы к доблести, поскольку рутенский язык (*idioma Ruthenova*) чужд нам, литвинам, т. е. италиянцам (*Italianis*), происшедшем от итальянской крови»²⁹. Далее он пересказывает легенду о Палемоне и его окружении, некогда высадившихся на балтийский берег: «И пристали корабли предков наших к побережью... полагают, они вышли на сушу там, где ныне находится крепость Жемайтии Плотели (*Ploteli*)»; «Пройдя оттуда дальше, они покорили соседний народ ятвягов (*jacvingos*), потом роксоланов (*roxolanos*), или рутенов (*ruthenos*), над которыми тогда,

²⁸ Michalonis Litvani. De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum fragmina X multiplici historia referta. Nunc primum per I. Jac. Grasserum, C. P. ex manuscripto authentice adite. Basiliæ apud Conradum Waldkirchium, MDCXV. P. 1–41.

²⁹ В русском переводе см.: Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и московитов / пер. В. И. Матузовой, отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 1994. С. 85–86.

как и над московитами (*Moscis*), господствовали заволжские татары; и во главе каждой рутенской крепости стояли так называемые баскаки (*basskaki*). Они были изгнаны оттуда родителями нашими италами (*italis*), которые после стали называться литалами (*itali*), потом – литвинами (*Litvani*). Тогда с присущей им отвагой, избавив рутенский народ (*populis Ruthenicis*), земли и крепости от татарского и баскакского рабства, они подчинили своей власти все от моря Жемайтского (*a mari Samagítico*), называемого Балтийским (*Balteum*), до Понта Эвксинского, где [находится] устье Борисфена, и до границ Валахии (*Valachiae*), другой римской колонии и земель Волыни (*Voliniae*), Подолии (*Podoliae*), Киевщины (*Kijoviae*), Северы (*Siewer*), а также степных областей вплоть до пределов Таврики и Товани (*Towani*), [места] переправы через Борисфен, а отсюда распространились на север к самой крайней и самой близкой к столльному граду Московии крепости Можайску (*Mozaisco*), однако, исключая ее, но включая Вязьму (*Wiazmat*), Дорогобуж (*Dorohobusz*), Белую (*Biela*), Торопец (*Toropetz*), Луки (*Luki*), Псков (*Pskov*), Новгород (*Novíhorod*) и все ближайшие крепости и провинции»³⁰. Таким образом, Михалон Литвин различает рутенов (роксоланов) и московитов. Под рутенами, освобожденными «италийцами» от «татарского и баскакского рабства», он понимает в первую очередь ныне украинские земли, некогда зависимые от Орды. Отмечает и продвижение литвинов в сторону Москвы. Восхваляя «Литву хоробрую»³¹, он вместе с тем снисходителен и даже уважителен к московитам и татарам, которых оценивает заедино (!): «Москвитяне (*Moscí*) и татары намного уступают литвинам (*Lituanis*) в силах, но превосходят их трудолюбием, любовью к порядку, умеренностью, храбростью и прочими достоинствами, которыми упрочиваются королевства»³².

И все же что стоит за отождествлением *literas Moscoviticas* и *idioma Rutheniu* у Михалона Литвина? Насколько они синонимичны?

Кто такой Михалон Литвин? В историографии на этот счет были разные мнения. Многие склонны считать, что *“De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum”* написал Михаил Тышкевич, боярин и великорусский дворянин, упоминаемый в источниках 1528–1552 гг. Матвей Любавский полагал, что Михалон – это подлинное имя автора трактата (ил. 4). А поскольку Михалон Литвин упоминал в своем трактате, что был в Крыму во времена хана Саип-Гирея (1533–1551), то историк и отождествил его с послом ВКЛ в

³⁰ Там же. С. 86–88.

³¹ Там же. С. 76.

³² Там же. С. 75.

Крыму в 1538–1539 гг. Михаилом Тышкевичем³³. У самогó Михалона мы найдем формулу “*Idioma Ruthenum alienum sit a nobis Litanis*” (V, 23). Это указание было оставлено М. Любавским без внимания, хотя он, конечно, знал о русинском происхождении рода Тышкевичей. Против такого предположения выступил другой российский исследователь – Иван Лаппо. Он пытался доказать, что “*De moribus Tartarorum, Litanorum et Moschorum*” опус затронутого реформационнымиисканиями католика, восславившего римское происхождение предков. Потому Лаппо видел в нем литовца³⁴.

Польский историк Ежи Охманьский высказал версию, что “*De moribus Tartarorum, Litanorum et Moschorum*” принадлежит перу Венцлава Миколаевича из Майшиогалы (ок. 1490–1560)³⁵. Сегодня она находит наибольшую поддержку среди исследователей. Если она верна, то оценки этнокультурной ситуации в регионе, которые мы найдем в трактате, действительно более подходят именно представителю элиты балтского происхождения.

Михалон Литвин поднял еще одну важную тему. Тему различия понятий «Русь» и «Москва». Во второй половине XVI в. такое разграничение закрепилось в историописании ВКЛ. Однако насколько оно способствовало изменениям в самоидентификации русинской шляхты ВКЛ? Может, такой новый для ВКЛ второй половины XVI в. историко-документальный жанр, как мемуаристика (диариуши)³⁶, хоть отчасти поможет нам ответить на этот вопрос.

Одним из первых сочинений подобного рода в ВКЛ является Диариуш новогрудского подсудка Федора Евлашевского (1546–1616), который он вел в 1603–1604 гг.³⁷ Интересным в нашей связи представляется то, как он описывал происхождение своих родственников по линии жены: «В Торуни привитал новый рок 1577... уступи-

³³ Любавский М. К. Кто был Михайло Литвин, написавший в первой половине XVI в. трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян» // Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Ученые записки Института истории. М., 1929. Т. 4. С. 49–54.

³⁴ Лаппо И. И. Литовский статут 1588 г. Каунас, 1936. Т. I. Ч. 2. С. 333, прим.

³⁵ Ochmański J. Michalon Litwin i jego traktat o zwyczajach tatarów, litwinów i moskwićinów z połowy XVI w. // Kwartalnik historyczny. 1976. R. 83. Z. 4. S. 765–783; Охманьский Е. Михалон Литвин и его трактат о нравах татар, литовцев и москвитян середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 97–117.

³⁶ Таранеўскі В. У. Штрыхі да «Успамінаў» Ф. Еўлашоўскага і «Реестра списань...» Ф. Кміты-Чарнабыльскага // Ученые записки. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова: Сб. научных ст. 2007. Т. 6. С. 177–190.

³⁷ Свяжынскі У. М. «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага. Мн., 1990.

лэм в малжэнство светое з теперешнею малжонкою мою Ганною Болотовною, сестрою пана Данила Болотовича з Руси»³⁸. Предок Болотовичей еще в XV в. переселился из Московского княжества в ВКЛ: «Которых ест продок чловек значный, еще за короля Казимира з Москвы был приехал, на име Антони Болото. И был славным мужом и потомки его през час немалый». Далее Евлашевский объясняет, где находится имение Болотовичей на Руси: «А другие, з них розрдившисе, розно се розышли и, под паны некоторыми оселости боярские побравши, яко то вэ Шклове и инде мешкають»³⁹.

Наиболее артикулированно позиция элит ВКЛ относительно «принадлежности» Руси звучит в стихотворном диалоге *“Rozmowa iednego Polaka z Moskwą na zamku moskiewskim a(nn)o 1601”*⁴⁰. Это произведение связано с посольством Льва Сапеги в Москву к царю Борису Годунову в 1600–1601 гг. Его автор – шляхтич-протестант из ВКЛ, литератор Илья Пельгриковский (Элиаш Пельгжымовский, ок. сер. XVI в. – до 6 авг. 1605 г.)⁴¹. В этой «Беседе» поляк Иван (sic! – О. Д.) и москаль Игнат спорят в т. ч. о государственном устройстве в своих странах. Участник посольства Иван прямо объявляет, почему польский король никогда не будет титуловать московского правителя царем русским: «И в нашем королевстве руских земель много»⁴².

Своеобразный итог историописанию ВКЛ в середине XVII в. подвел Альберт (Войтех) Виук-Коялович (1609–1677). В 1627 г. он вступил в Орден иезуитов, в 1628–1632 гг. обучался в Виленском и Несвижском коллегиумах, а в 1634–1638 гг. – на теологическом факультете Виленской академии, где в 1645 г. получил степень доктора теологии, а потом до 1658 г. преподавал схоластику. В 1654–1655 гг. он был избран ректором Виленской академии. Коялович автор ряда

³⁸ Еўлашоўскі Фёдар. Дыярыуш // Антalogія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII ст. Мн., 2003. С. 490.

³⁹ Еўлашоўскі Ф. Дыярыуш. С. 490.

⁴⁰ Pielgrzymowski Eliasz. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą: Poselstwo do Zygmunta Trzeciego / wydał i opracował Roman Krzywy. Warszawa, 2010. S. 27–212.

⁴¹ Рак А. Вершаваны дыялог Гальяша Пельгрымоўскага “Rozmowa iednego polaka z moskwą na zamku moskiewskim a(nn)o 1601” // Працы кафедры гісторыі беларускай літаратуры Белдзяржуніверсітэта. Т. 3. Мн., 2002. С. 124–128; Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў у двух татах. Т. 1: Даўняя літаратура XI – першай паловы XVIII стагоддзя. Мн., 2006. С. 481–492.

⁴² Пельгрымоўскі Гальяш. Гутарка аднаго паляка з маскалем на маскоўскім замку ў годзе 1601 // Антalogія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII ст. С. 506.

полемических сочинений, направленных против кальвинистов. Но не насыщенная академическая жизнь сделала его известным в образованных кругах ВКЛ и Речи Посполитой второй половины XVII в. Главное произведение виленского иезуита – история Литвы на латыни. Первая ее часть издана в Гданьске в 1650 г., вторая – в Антверпене в 1669 (ил. 5).

В предисловии к первой книге своей *"Historiae Lituaniae scribende occasion"* Коялович признавался, что это не просто перевод хроники Стрыйковского, а ее ревизия «в соответствии с требованиями и законами письменного трактата»⁴³. По словам Кояловича, Хроника Стрыйковского написана на польском, потому недоступна иноязычному читателю, а кроме того, она во многом нарушает риторические нормы и принципы работы историка. По его признанию, он вознамерился переписать историю Стрыйковского (притом на латыни) сообщразно лучшим риторическим образцам и руководствуясь исторической правдой. Коялович при этом отказывается от метафорического стиля Стрыйковского в пользу рассказывающего линейную историю исторического нарратива.

Коялович считал религию важнейшим атрибутом национального. Ни этнокультурные традиции, ни язык не отличали литовцев от русинов, но их вероисповедание. Принадлежность к католицизму являлась главной характеристикой литовца-шляхтича в представлении Кояловича. В его понимании нацию объединяют общие интересы и общее прошлое. С этой целью он и обратился к истории Литвы. Его «литовскую нацию» – а понятие *"natio"* Коялович использует в своем труде часто – мы вполне могли бы сегодня трактовать в духе теории модерной нации Бенедикта Андерсона как «воображаемое сообщество». Неудивительно в этом контексте, что Белую Русь Коялович утверждает в предисловии к первому тому своей Истории как одну из провинций Литвы (*"ut et Russiae aliae ulteriores provinciae"*)⁴⁴. Фактически Коялович переносит представление о Руси как об одном из регионов ВКЛ на Белую Русь.

В историописании ВКЛ XVI–XVII вв. образ «руси» / «Руси» связан с активной полемикой, сопровождавшей процесс политической и культурной унификации государства. А также с эманципацией шляхты (боярства) этнического литовского происхождения, находившейся поначалу под влиянием культурной рутенизации, а в дальнейшем – полонизации. Успехи в формировании единого по-

⁴³ *Historiae Lituanae pars prior, de rebus Lithuanorum ante susceptam Christianam religionem conjunctionemque... cum regno Poloniae.* Dantisci, 1650. P. A [1] – A v.

⁴⁴ *Historiae Lituanae pars prior.* Dantisci, 1650. P. A [05v].

литического народа ВКЛ – сословия шляхты – привели в т. ч. к регионализации понятия «Русь» в публичном дискурсе. В XVII в. регион «Русь» (северо-восток ВКЛ) все чаще идентифицируют с «Белой Русью». Однако хороним (региональное название) «Белая Русь» таил в себе сюрпризы.

«Рождение» Белой Руси

В XVI в. понятие «Белая Русь» звучит на востоке Европы все чаще. Но его историко-географическое наполнение меняется, открывая возможности для складывания новой надрегиональной общности.

До конца XV в. абсолютное большинство упоминаний о Белой Руси (*Alba Russia*) связано с западными литературными памятниками. Так там называли земли Великого Новгорода⁴⁵. Позже под «Белой Русью» стали понимать земли, подвластные великому князю московскому. Однако некоторые польские хронисты уже в XIV в. локализовали Белую Русь в современной Беларуси. Так, в Хронике Польши (1382) Яна из Чарнкова Погоц назван «крепостью Белой Руси». По словам хрониста, князь Ягайло с матерью был заключен *“in quodam Castro Albae Russiae Polozk dicto”*⁴⁶. В 1512 г. польский хронист Ян со Стробницы в одном из своих трактатов распространил понятие «Белая Русь» на все руские земли ВКЛ, а также Великого Новгорода⁴⁷. Вслед за Яном со Стробницы Мартин Кромер в 1548 г. широко использовал название «Белая Русь», имея в виду руские земли ВКЛ. Притом, похоже, он имел вполне конкретное представление о Белой Руси. Смоленск он называл ее важнейшим городом. Однако такие известные польские хронисты XVI в., как Ян Длугош, Бернард Ваповский и Мартин Бельский, не знали «Белой Руси». Для обозначения культурно-географических реалий этого региона они использовали понятия «Русь» и «Литва». Все эти авторы самым непосредственным образом повлияли на труды Сtryйковского и Гваньини, были их источниковой базой.

Безусловно, в XVI–XVII вв. русь ВКЛ задумывалась о своей этно-культурной самоидентификации. Но если в ее летописной традиции сохранялась скорее старая консервативная система координат

⁴⁵ Белы А. Хроніка Белай Руси. Імагалогія Беларусі XII–XVIII ст. 2-е выд. Смаленск, 2013. С. 70–84.

⁴⁶ Kronika Jana z Czarnkowa (Joannis de Czarnkow. Chronicon Polonorum). Oprac. J. Szlachtowski // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1872. T. II. S. 619.

⁴⁷ Łatyszonek O. Od rusinów białych do białorusinów. C. 76–82.

руси / Руси в рамках ВКЛ и украинских земель Польского королевства, то в авторских сочинениях дело обстояло уже иначе.

Чтобы проиллюстрировать это, обратимся к фигуре Соломона Рысинского [лат. *Solomonis Risiinus (Pantherus)*, ок. 1560–1625], поэта-латиниста, а также, как мы бы определили его сегодня, фольклориста. Он происходил из кальвинистской шляхты. Его отцом предположительно был Федор Рысинский герба «Остоя», родовое имение которого, Рысин, размещалось в Полоцком воеводстве, но во время Ливонской войны оказалось на территории, занятой московскими войсками (ныне Себежский район Псковской области). Соломон Рысинский получил образование в Лейпцигском (имматрикулирован в 1582 г.) и Альтдорфском (имматрикулирован в 1586 г.) университетах Германии. С 1596 г. Рысинский на службе у Радзивиллов, в т. ч. участвовал в создании впоследствии знаменитой протестантской школы в Слуцке. В 1600 г. перешел на службу к воеводе Виленскому и великому гетману Христофору Николаю Радзивиллу Перуну, стал воспитателем его сына Януша. При его дворе Рысинский выступал также в качестве придворного поэта и переводчика. В частности, Виленский евангелический синод поручил ему перевести на польский язык псалмы царя Давида⁴⁸. Он также принимал участие в подготовке изданий типографии Петра Бластуса Кмиты в Любче под Новогрудком. Наиболее же известен Рысинский как собиратель и публикатор (параллельно на польском и латыни) первого свода народных пословиц и поговорок⁴⁹ (ил. 6). (Их он собирал более 30 лет.) И хотя на титуле они обозначены как польские, современные филологи находят совпадения записей Рысинского и фольклора Новогрудчины. По этой причине есть тенденция рассматривать его «польские пословицы» как славянские / «сарматские» пословицы Речи Посполитой. Кроме того, Рысинский перевел на латынь стихи поэта-панегириста Андрея Римши, написанные на старобелорусском языке.

Для нас Соломон Рысинский имеет важное значение вот по какому поводу. 2 декабря 1586 г. молодой литвинский шляхтич был записан в матрикулы Альтдорфского университета как *Salomon Pantherus Leucorussus*⁵⁰. Это – греко-латинская калька с его имени. *Pantherus* было тождественно «Рысинский», а *Leucorussus* было об-

⁴⁸ Psalmy Dawida podług dawnych not wierszem polskim. Lubecz ad Chronum, 1614.

⁴⁹ Proverbiorum Polonicorum a Solomone Rysinio Collectorum Centuriae Decem et Octo. Lubecz ad Chronum, 1618.

⁵⁰ Die Matrikel der Universität Altdorf / hg. von Elias von Steinmeyer. T. I: Text. Würzburg, 1912. S. 29.

разовано из двух слов: греч. *leuco* – белый, лат. *russus* – русин. И в письме к своему другу, немецкому юристу Конраду Риттерсгаузену Рысинский назвал своей родиной *Leucorossia*⁵¹. Существует и еще один эпистолярный текст, который позволяет несколько шире посмотреть на этнокультурную самоидентификацию Рысинского. Еще во время учебы в Альтсдорфе Рысинский подготовил к публикации свою переписку с известными людьми того времени. В письме к одному из них, Амвросию Станкару, Рысинский в стихотворной форме прославляет родину: «Вот я, кого родила на границе Москвы много-снежной славная зверем охотничьям, пущами, борами Русь»⁵². Рысинский отделяет свою Русь, *Leucorossia*, от Московии. Это Русь ВКЛ.

Остается вопрос, относил ли Рысинский к *Leucorossia* также сегодняшних украинцев. Ответа на него нет. Но следует отметить, что в его творчестве громко заявляет о себе великолитовский патриотизм. Находясь при Радзивиллах, он превозносил их. Вот несколько примеров из его панегириков: «Друг короля из Сарматии князь Радзивилл появился, / Слава великая, знамя и сила литовской земли» (панегирик «Ревель»); «Доблестно войско Литвы: Кокенгаузена стены свидетель. / Руку вождя Радзивила и воинов смелых отряд» (панегирик «Кокенгаузен»); «Князь Радзивилл знаменитый, литовской отчины глава» (панегирик «Кирпенсиум»)⁵³.

Мы помним, что после Люблинской унии ВКЛ включала в себя уже только земли сегодняшней Беларуси, но не Украины. В т. ч. поэтому, а также исходя из общей направленности поэзии Рысинского, нам представляется допустимым видеть в его *Leucorossia* именно контуры сегодняшней Беларуси⁵⁴. Примечательно, что в Евангелически-реформатской церкви Литвы – *Unitas Lituaniae*, где Рысинский был видной фигурой, существовал Русский дистрикт, позже переименованный в Белорусский. Эта религиозно-административная единица объединяла кальвинистские общины Полоцкого, Витебского, Мстиславского и Минского воеводств.

«Левкорусом» Рысинский активно декларировал себя в молодые, студенческие годы. В зрелом возрасте для него более важной стала тема «славянскости». Свои поздние сочинения он предпочитал под-

⁵¹ Порецкий Я. И. Соломон Рысинский: Solomo Pantherus Leucorussus (конец XVI – начало XVII вв.). Мин., 1983. С. 8.

⁵² Epistolarum Salomonis Pantheri libros duos. Aldorphii, 1587. I, IV; Порецкий Я. И. Соломон Рысинский. С. 14.

⁵³ Порецкий Я. И. Соломон Рысинский. С. 64–66.

⁵⁴ Латышонак А. Навуковыя крыніцы самаакрэслення Саламона Рысінскага як беларуса // Рэфармацыя і грамадства: XVI стагоддзе. Мин., 2005. С. 126–131.

писывать как «сармат»: *Solomonis Rysinii Sarmatae*⁵⁵. Очевидно, эта его славянская самоидентификация явилась следствием все более очевидного размежевания между русинами и этническими литовцами в ВКЛ. А «славянскость» в Речи Посполитой в свою очередь все более приобретала черты «польскости», или, в культурно-политическом понимании, «сарматизма».

Вообще, понятие «Белая Русь» в Речи Посполитой употребляли с конца XVI в. по большей части применительно к Полоччине. С 1620-х гг. оно закрепилось (более широко) за восточными, Подвинско-Поднепровскими, землями ВКЛ (ил. 7). В Московии Белой Русью в первой половине XVII в. называли все восточнославянские земли Речи Посполитой, а их жителей – «белорусцами». Позже название «Белая Русь» слилось с тем, как его понимали в Речи Посполитой.

Заключение (несколько рабочих тезисов)

На протяжении XVI – первой половины XVII в. в лето- и историописании ВКЛ оформлялось представление о Руси как регионе, входившем в состав Великого княжества Литовского – от Киева до Полоцка. Его субъективизация проявилась уже в Белорусско-литовском летописании XV–XVI вв. Иногда для его обозначения использовали понятие «Белая Русь». В раннее Новое время на общеевропейской шкале истории Русь предстала цельным по своим характеристикам – историко-географическим, культурным и конфессиональным, политico-государственным – регионом. Москва стояла особняком. Особый статус – как Русь Короны Польской – имел Львов. Дискуссионным остается этническое наполнение этих территорий.

Окончательное разделение Руси / руси следует отнести к середине – второй половине XVII в. Это стало следствием даже не столько Люблинской и Берестейской уний, сколько кризиса Речи Посполитой, казацких войн и установления протектората московского царя над Левобережной Украиной.

В свою очередь, на территории Руси в составе ВКЛ в это время протекали сложные этнокультурные процессы, связанные с политическим и конфессиональным расширением «Литвы» на восток ВКЛ и одновременно языковой экспанссией «Руси» на «историческую Литву».

⁵⁵ *Solomonis Rysinii Sarmatae, ad epistolas L. Annaei Senecae, philosophi Stoici, notarum sive conjecturarum liber. Noribergae, 1620.*

Одновременно странный в своей неопределенности регион «Белая Русь» перемещался на ментальной карте восточных славян по всему северу Восточной Европы, пока ему не суждено было остановиться на Полоччине.

Сам механизм выделения Руси ВКЛ («Литовской Руси») из общего пространства Восточной Европы в самостоятельный регион способствовал появлению еще одной версии Руси – «Белой Руси». До середины – второй половины XVI в. «Белая Русь» не являлась самоназванием для жителей сегодняшней восточной Беларуси. Да и для хронистов и историописателей того времени она не была этнонимом. Но уже в конце XVI – начале XVII в. мы наблюдаем этнизацию этого понятия в трудах русинов-интеллигентов. Например, в текстах Соломона Рысинского. Но в итоге «Белой Руси» была уготована судьба стать именем нации.

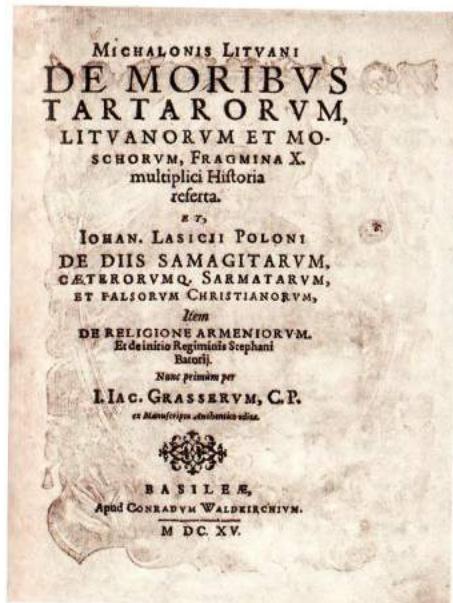
К статье О. И. Дзярновича

Ил. 1. Надгробие князя Павла Гольшанского (около 1490–1555 гг.), епископа Луцкого (1507), епископа Виленского (1536). П. Гольшанский – один из инициаторов составления «Хроники Великого княжества Литовского и Жомойтского» (между 1522 и 1527 гг.). Надгробие в виленском Кафедральном соборе св. Станислава и св. Владислава в часовне Гаштольдов; мастерская Джаммания Моска (Padovano).
Гравюра: Paweł Algimuntawicz, książę Holszański, biskup wileński // Tygodnik Ilustrowany. 1872, Nr. 246. S. 128

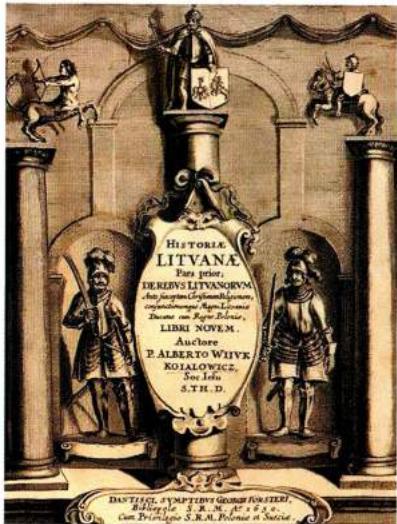
Ил. 2. Надгробие Альбрехта Гаштольда
(1470/1480–1539), канцлера ВКЛ
и воеводы Виленского (с 1522 г.).
Часовня Гаштольдов в виленском
Кафедральном соборе св. Станислава
и св. Владислава. Под влиянием
А. Гаштольда составлялся второй свод
белорусско-литовских летописей.
Литография Юзефа Озембловского.
Публикация: *Kraszewski Józef Ignacy.*
Wilno od początków jego, do roku 1750.
T. 2. Wilno: Nakładem i Drukiem Józefa
Zawadzkiego, 1840. S. 240–241

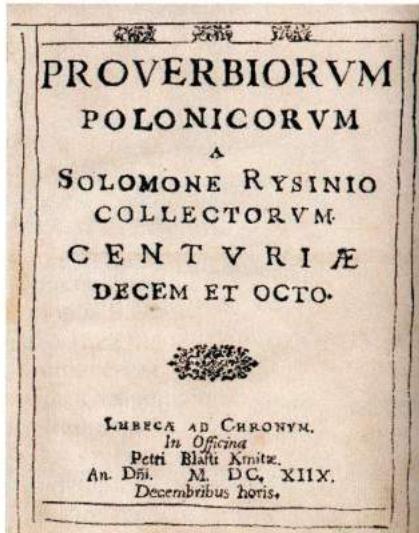
Ил. 3. Титульный лист трактата Михалона Литвина “De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum” (Базель, 1615)

Дес. Родион Федор Евлашевский
Былъ въ Белоруссии въ 1603ъ и 1604ъ годахъ.
Съ нимъ въ Белоруссии былъ Федор Евлашевский
Кононъ Костромской и Федор Евлашевский изъ
Костромы. Въ Белоруссии Федор Евлашевский
былъ въ Белоруссии въ 1603ъ и 1604ъ годахъ.
Въ Белоруссии Федор Евлашевский
былъ въ Белоруссии въ 1603ъ и 1604ъ годахъ.
Въ Белоруссии Федор Евлашевский
былъ въ Белоруссии въ 1603ъ и 1604ъ годахъ.
Въ Белоруссии Федор Евлашевский
былъ въ Белоруссии въ 1603ъ и 1604ъ годахъ.
Въ Белоруссии Федор Евлашевский
былъ въ Белоруссии въ 1603ъ и 1604ъ годахъ.
Въ Белоруссии Федор Евлашевский
былъ въ Белоруссии въ 1603ъ и 1604ъ годахъ.
Въ Белоруссии Федор Евлашевский
былъ въ Белоруссии въ 1603ъ и 1604ъ годахъ.
Въ Белоруссии Федор Евлашевский
былъ въ Белоруссии въ 1603ъ и 1604ъ годахъ.
Въ Белоруссии Федор Евлашевский
былъ въ Белоруссии въ 1603ъ и 1604ъ годахъ.

Ил. 4. Страница рукописи «Диариуша» Федора Евлашевского (1603–1604)

Ил. 5. Титульный лист (авантитул) труда Альберта Виука-Кояловича “Historiae Lithuaniae pars prior, de rebus Lithuanorum ante susceptam Christianam religionem conjunctionemque... cum regno Poloniae” (Данциг, 1650)

Ил. 6. Титульная страница сборника Соломона Рысинского “Proverbiorum Polonicorum” (Любча, 1618)

Белая Русь на пачатку XVII ст.

Ил. 7. Локализация «Белой Руси» в начале XVII в. (Латышонак А. Нацыянальнасць – беларус. [Беласток], 2009. С. 198)